

Библиография

Открывая отдел библиографии, как по вопросам научным и социально-политическим, так и по художественной литературе, редакция надеется, что авторы пойдут ей навстречу присылкой своих произведений, за что заранее приносит свою благодарность.

ЮРИЙ СОФИЕВ. Годы и Камни.
(Объединение поэтов и писателей.
Париж. 1936 г.).

— Есть годы, когда стихи находят легкий доступ к человеческому сознанию, когда к голосам поэтов прислушиваются: их любят или ненавидят, возносят или низвергают, но неизменно откликаются на их творчество. Но, вдруг, что-то меняется и «язык богов», мерная чеканная речь, не находит более отклика.

Мне кажется, мы переживаем сейчас период такого равнодушия. Но тем выше подвиг поэта. Незамечаемый никем, он проходит по жизни и говорит глухому человечеству то, о чем умолчать не может. Верный долгу, обреченный творчеству, поэт свидетельствует о жизни своего века для того, чтобы «любознательный потомок» мог понять нашу революционную эпоху. — так повзмает свою задачу Юрий Софиев. Он говорит —

«Еще пожара потушить не могут,
Не всколыхнулась ночь, метет мятель,
А мы уже выходим на дорогу,
Упрямолюбых мастеров артель».

Эти строки сразу вводят нас в творческую лабораторию поэта и своей серьезностью настораживают наше внимание. И, надо прямо сказать, лежащая перед нами первая книжка стихов Юрия Софиева «Годы и камни» этого внимания достойна.

Стихи Софиева не блещут богатством образов, какими нас радовал, а иногда и утомлял, покойный Борис Поплавский, они лишены библейского

неумирающего пафоса и запаха плоти, которые составляют силу Довида Кнута, нет в них и грациозной легкости, однообразной нарядности Ант. Ладиского. Но Софиев умеет оставаться выразительным, при всей сдержанности своих приемов, а его духовный мир человечнее и подлиннее. И, что представляется нам особенно важным, в его стихах присутствует Россия, как некий трагический и неизбежный фон.

Книжка распадается, по содержанию, на две неравных части.

Первая, — стихи о «годах», — в которую входят два цикла: «Молодость» и «Памяти отца» и ряд отдельных стихотворений, — непосредственно обращена к России. Вторая часть, это стихи о «камнях» старой Европы. Стихи о России овеяны пронзительной печалью, согреты грустной улыбкой, утверждены сознанием неизбежности судьбы.

«Теперь от этих трудных дней,
И от того, что после было,
От мертвых и живых друзей
Освободиться мы не в силах».

И я коплю, как алчный рыцарь,
Богатство этих страшных лет.
А нашей юности стыдиться
У нас с тобой причины нет».

Поэт скуп на слова, его стихи насыщены содержанием и, почти всегда, ка-бы оборваны. Никакого распева он себе не позволяет. Как только певучий стихик пытается овладеть его пером, он усмиряет ее перебоем ритма, разумом подавляет чувство. Софиев ка-

сто говорят, как-бы, в пол голоса. Или может быть, его голос заглушен шумами прошлого —

«Ведь нам до смерти будут сниться
— В дыму — горящие станицы,
И ржанье взмысленных коней,
И жаркий грохот батарей».

Над сознанием поэта не угасает «отблеск» «дней войны и дней свободы». Но ирония, один из ядов поздней культуры, часто пресекает у автора стремление отдаться, до конца, порыву. Сухим ветерком пронизаны самые лирические строки, что вызывает, иногда, сомнение в целостности переживаний. Слишком внимательно смотрит поэт на ту жизненную ткань, которая не всегда поддается анализу. Он стоит у самой черты, за которой начинается распад. Но то, что еще полно человеческой теплоты и убедительности, в стихах о «годах», — годах Русского лихолетья, — заметно мертвеет, когда поэт говорит нам о «камях» старой Европы. Тут Софиев утрачивает динамику и перед нами ряд беспорядочно стройных, но лишенных движения стихотворений. Это фотографии, но фотографии художественные. Их нельзя не полюбить, но они не обогатят сознания. Интересно отметить, что стихам о «камях», одной из постоянных тем Софиева, отведено в книжке непропорционально малое место. Повидимому и в оценке самого автора они стоят ниже стихов, где живая, страдающая, но не сдающаяся Русская душа противостоит миру.

Заканчивая эту беглую заметку, мы позволим себе горячо рекомендовать читателям «Годы и камни» Юрия Софиева. Крепкий Русский язык этих стихов, уже сам по себе, такая радость для слуха. Какой контраст с произведениями многочисленных «почтов», органически лишенных чувства языка, на котором они пишут.

Николай Вадвич.

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВ. — Гонец.
Письма с Помперага. Изд. АЛАТАС.

Благовестие Великой Радости Бытия, Благовестие великой любви к своей стране — Родине, радостный и смелый крик в ночи нашей сумбурной и темной жизни — призыв к Вере, Труду и Бодрости — вот что такое эта книга.

В далекой глуши Американского континента, при слиянии двух древнеиндейских рек Хусатоника и Помперага, талантливый, душевно храбрый и бодрый человек построил скит-избушку

Уход на землю, возвращение к природе, но, уход не эгоистический, не для личного отдыха, не отрясение праха, а уход — возвращение действительное. Уход со скорбью, с мечтой о своем далеком народе, о его будущем. Уход с мечтой, здесь, на лесистых берегах Помперага, зажечь яркий светоч для всех в рассеянии сущих.

И вот сильная Вера, Дух Бодрости, кровь, крепкая Сибирская, победили и вокруг избушки на Помпераге разросся поселок, построилась часовня, создались художественные и философские студии, собственное издательство и полетели во все концы мира лучи — гонцы!

Имеющий уши слышать — да слышит!

Проповедь Веры, Труда и Бодрости. Призыв к умному деланию, к любви, к своей Стране, ее земле, народу ее населяющему, к ответственности перед духовной жизнью предков и потомков.

«Вот сижу в глуши американских дебрей и берегу драгоценный дар народа своего, как лучшее зерно, которое хочу взлелеять в думках и в труде уединенном и возратить Родине в созревшем колосе, во много крат умноженное с благодарностью добросовестного должника».

В нескольких строках невозможно дать даже относительно полного представления о сущности мирозерцания

этого большого Человека — автора «Гоним». Хочется отослать читателей к самой книге, убедить их прочесть ее, пережить вместе с автором. Вдуматься и перечувствовать ее душу. Утолить жаду той, по истине, живой водой, которой пропитана каждая ее страница.

«... знайте, любовь и радость со-здания — вот что самое прекрасное, что хочется понять и утвердить нашим далеко несовершенным пониманием».

Какой энергией, какой верой и несокрушимой бодростью звучат его призывы к людям пошатнувшимся, утерявшим веру и в себя и в Россию, ушедшим в жалобы.

«... начинайте действовать, начинайте как-нибудь, с самого малого.. начинайте что-либо создавать...».

«И помните, что даже в минуту передышки, в секунду отирания застилающего глаза поэта, надо думать не о себе, а именно о тех, кто в тысячу раз несчастнее нас, хотя бы потому, что даже не змеют возможности жаловаться...».

В работе здесь, в эмиграции, Гребенщиков видит преддверие к настоящей, светлой и радостной работе на Родине.

«... с удвоенной силой будем работать вдвдди друг от друга, зная, что рано или поздно встретимся радостно-цветущей и единой ниве — на работе для построения новой, светлой Родины, Страны Великого Будущего».

И победным призывом ко всем работающим в области Духа, призывом на борьбу с царящим в мире материализмом, звучат заключительные слова книги Гребенщикова:

«... ты помчишься... с бодрящим призывом о том, как бесконечно высока и невыразимо прекрасна лестница для человеческого восхождения, как радостно спешить вперед,

как трепетно всходить на первые ступени небывалой эры.

Лети мой верный и любимый, мой Гонец».

Алексей Гернг.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО.

(По поводу книги В. П. РЯБУШИН-СКОГО).

— Иностранец, не знающий Русской истории, — писал еще Грибоедов, — мог-бы заключить, «что у нас господа и крестьяне происходят от 2-х различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами». На этом противопоставлении В. П. Рябушинский подробно останавливается и для 18-ого века дает такую картину: «важачный, богатый купец-старообрядец с бородой и в Русском длинном платье, талантливый промышленник... и в то-же время знаток древнего Русского искусства, археолог, собиратель икон, книг, рукописей, — был мужик, а мелкий канцелярист, выбритый, в западном камзоле, схвативший кое-какие верхушки образования, взяточник... это уже барин».

Соблазнительно распространить определение автора на следующий, 19 век. Тут дело еще хуже. Купец-старообрядец продолжает стоять, как скала, а чинуша уступает место некоему существу, вытланному из 4-ого класса гимназии за неспособность, в 16 лет «научно и окончательно» решившему, что Бога нет и, разумеется, шархнувшемуся в революционное подполье. Наглотавшись там разной премудрости, из социалистических талмудов, он мечтал «о высшем подвиге» — убить царя или хотя-бы городского. Это существо, разумеется, относилось к купцу-староверу, как к «дикому изуверу», а само почиталось «выразителем гражданской скорби», «светочем культуры» и «двигателем прогресса», — ИНТЕЛЛИГЕНТОМ. Вернемся к автору ин-

тересной книги. В. П. Рябушинский выводит этот трагический фарс нашей истории из раскола. Петровские реформы могли быть осуществлены и приняты такие резкие формы, только потому, что им предшествовал Никон. С него и начинается разбивка России по разным племенам, как выразился Грибоедов, «и вера», как поясняет книга Рябушинского. Характерно, что старая вера у крестьянина, в массе усвоившего новые обряды, по духу своему, от древнего православия, в сущности, не отходила. Мужик говорил: «Мы по церкви люди мирские, суетные... и бывало задавал священнику такой вопрос: «а что батюшка, не пора ли нам (с приближением старости) во святую-те веру (т. е. в старообрядчество)». Так было внизу, а наверху тем временем, ученый историк князь Щербатов в «Путешествии в землю Офирскую», советовал рукополагать во священники... полицейских и эти должности совмещать, потому что и те и другие ведают одним и тем же — присмотром за нравами...

Несомненным достоинством книги является то, что автор рассматривает ста-

рообрядчество не в его замкнутости, провинциальной отгороженности от всех, а на фоне общих вопросов Русской истории и историософии. С этой стороны старообрядчество ждет и дальнейших исследований. Может быть, только после революции роль старообрядчества станет вполне ясна. Тот сатанинский разлив, который условно именуется революцией, не смог поколебать древле-православной церкви и общины. И прежде встречались высокие оценки. Так митрополит московский Ионникий Руднев (1882-891) говорил, что православие давно обратилось бы в лютеранство, если-бы не было старообрядцев.

Как старообрядцы относятся к православным?

По мнению В. П. Рябушинского, о сближении можно будет говорить лишь тогда, когда православные выкуют твердость веры и духа, равную старообрядческой.

Темы поднятые книгой, настолько значительны, что, давая эту заметку, мы ставим своей задачей только привлечь к ней внимание.

Н. Былов.

Хроника

С момента открытия деятельности К. П. О. (Июль 1936 года) было проведено 19 открытых и 2 закрытых Общих Собрания, были заслушаны следующие доклады:

- Н. Н. Былова — «О причинах Русской Революции».
- Н. В. Станюковича — «Лицо Русской интеллигенции».
- В. А. Попандопуло — «О Национализме».
- Б. И. Куракина — «Новая Конституция».
- Л. Г. Закутина — «О социализме и фашизме».
- С. А. Зенковского — «Монголия».
- Н. Н. Былова — «Расизм и Национализм».
- В. Г. Попова — «Ни красные, ни золотые».
- Б. И. Куракина — «VIII съезд Советов».
- Я. Н. Горбова — «В защиту Монархии».

Исторической Секцией за три месяца было проведено 8 собра-